

I. ОТ НАЧАЛА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ДО СЕРЕДИНЫ XI ВЕКА

ОБРАЗОВАНИЕ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

Предки наши, восточные славяне, приблизительно к началу II столетия по Р. Х. обитая по Среднему и Нижнему Дунаю в пределах Дакийского царства, около этого времени начали выделяться из сарматской массы и обособляться в отдельное племя. В начале II века славяне под гнетом римлян, разрушивших царство даков, вынуждены были покинуть свои дунайские жилища и перекочевать к северу, в Карпатский край. Отсюда, начиная с III века, карпатские славяне постоянно вторгались за Дунай и разоряли Восточную Римскую империю. Для вторжения в пределы Восточной империи карпатские славяне образовывали вооруженные ватаги, или дружины, в состав которых входили представители от разных племен. В VI веке некоторые из этих дружин соединяются в большой военный союз.

Этот военный союз восточных славян, по мнению профессора Ключевского¹, и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории, начавшейся, следовательно, в VI веке на склонах и предгорьях Карпат в области обширного водораздела, откуда берут начало Днестр, оба Буга, притоки верхней Припяти и верхней Вислы.

Итак, образование военного союза некоторыми племенами восточных славян для ведения наступательной борьбы предшествовало образованию нашего государства, послужив его началом.

В VII веке авары и восточные славяне из Карпатского края двинулись на восток и северо-восток, в так называемую Русскую равнину. Движение это продолжалось в течение VII и VIII веков.

Перекочевав в Русскую равнину, восточные славяне заняли местность по течению Днепра, по которому с незапамятных времен велась оживленная торговля, начатая еще греками. Естественно, что восточные славяне, сев на Днепре, скоро втянулись в существовавшее здесь торговое движение.

Одновременно с расселением восточных славян по западной лесистой части русской равнины в восточной, степной ее части стала распространяться новая азиатская орда, хазары, которые в VIII веке покорили племена восточных славян,

¹ *Василий Осипович Ключевский* (1841—1911) — один из самых знаменитых русских историков, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1900 г.), председатель Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.

живших близко к степям, а именно: полян, северян и вятичей.

Вследствие характера хазар подчинение им славян лишь способствовало расширению их торговли, открыв для нее степные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам.

Успехи восточной торговли славян, завязавшейся в VIII веке, привели к возникновению на Руси торговых городов, как то: Киева, Переяславля, Чернигова, Смоленска, Любеча, Новгорода, Ростова, Полоцка, которые были расположены, главным образом, по главному речному Пути из варяг в греки, то есть по линии Днепра — Волхова.

Города эти являлись торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов.

Между тем в начале IX века на востоке, в тылу у хазар, появились новые орды печенегов и следовавших за ними узов-торков.

Хазары, будучи народом по преимуществу торговым и вовсе невоинственным, уже в середине IX века оказались не в силах противодействовать натиску варваров, которые в это время и прорвались через хазарские поселения на запад за Дон.

Таким образом, хазарская власть уже не была в состоянии оберегать восточно-славянских купцов на Востоке. Приходилось об этом позаботиться самим, и вот главные торговые города восточных славян берут на себя защиту своей торговли и торговых путей. С этого времени они начали вооружаться, окружаться стенами, вводить у себя военное устройство, собирать ратных людей. Таким образом, промышленные центры, склады товаров превращались в укрепленные пункты, вооруженные убежища, положив начало образованию вооруженных сил будущей Руси и последующей России.

Почти в это же время, около середины IX века, в городах по Днепровью стали появляться заморские пришельцы с Балтийского моря, из Скандинавии, которые получили здесь название *варягов*. Эти варяги представляли собой преимущественно вооруженных купцов, стремящихся пробраться в богатую Византию, но значительная часть их задерживалась в больших торговых городах восточных славян и здесь они входили в состав существовавшего там класса вооруженных купцов.

Флот викингов в X веке.

Иллюстрация из книги Джона Кларка Ридпата «Универсальная история». 1897 г.

Продолжительный вооруженный напор карпатских славян на империю смыкал их в военные союзы. Карпатские славяне вторгались в пределы Восточной империи не целыми племенами, как германцы наводняли провинции Западной империи, а вооруженными ватагами, или дружинами, выделявшимися из разных племен. Эти дружины и служили боевой связью отдельных разобщенных племен.

Находим следы такого союза, в состав которого входили именно восточные славяне. «Повесть временных лет» по всем признакам составлена в Киеве: составитель ее с особенным сочувствием относится к киевским полянам, отличая их «кроткий и тихий обычай» от зверинских нравов всех других восточных славянских племен, да и знает о них больше, чем о других племенах. Она ничего не говорит ни о готах Германариха, ни о гуннах, вскоре после него затопивших его царство. Но она помнит ряд более поздних вражеских нашествий, испытанных славянами, говорит о болгарях, обрах, хазарах, печенегах, уграх. Однако до хазар она ничего не запомнила о своих любимых полянах, кроме предания об основании Киева.

Народные потоки, пронесшиеся по Южной России и часто дававшие больно чувствовать себя восточным славянам, как будто ничем не задевали восточного славянского племени, ближе всех к ним стоявшего, полян. В памяти киевского повествователя XI в. уцелело от тех далеких времен предание только об одном восточном славянском племени, но таком, которое жило далеко от Киева и в XI в. не принимало видного участия в ходе событий. «Повесть» рассказывает о нашествии аваров на дулебов (в VI—VII вв.): «Те же обры воевали со славянами и покорили дулебов, тоже славян, и приртыняли женщин дулебских: собираясь ехать, обрин не давал запрягать ни коня, ни вола, а приказывал заложить в телегу 3, 4, 5 женщин, и они везли его; так мучили они дулебов. Были обры телом велики, а умом горды, и истребил их Бог, перемерли все, не осталось ни единого обрина, и есть поговорка на Руси до сего дня: “Погибоша аки обре”».

Вероятно, благодаря этой исторической поговорке и попало в «Повесть» предание об обрах, которое носит на себе черты былины, исторической песни, составляющей, может быть, отдельный отголосок целого цикла славянских песен об аварах, сложившегося на карпатских склонах.

Но где были во время этого нашествия поляне и почему одним дулебам пришлось так страдать от обров? Неожиданно с другой стороны идет к нам ответ на этот вопрос. В сороковых годах X в., лет за сто до составления «Повести временных лет», писал о восточных славянах араб Масуди в своем географическом сочинении «Золотые луга». Здесь

он рассказывает, что одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, верховный царь был у него, и этому царю повиновались все прочие цари. Но потом пошли раздоры между их племенами, союз их разрушился, они разделились на отдельные колена, и каждое племя выбрало себе отдельного царя. Это господствовавшее некогда славянское племя Масуди называет валинана (волынине), а из нашей «Повести» мы знаем, что волынине — те же дулебы и жили по Западному Бугу.

Можно догадываться, почему киевское предание запомнило одних дулебов из времен аварского нашествия. Тогда дулебы господствовали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться Русью по имени главной области в Русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область. Во время аварского нашествия еще не было ни полян, ни самого Киева, и масса восточного славянства сосредоточивалась западнее, на склонах и предгорьях Карпат, в краю обширного водораздела, откуда идут в разные стороны Днестр, оба Буга, притоки верхней Припяти и верхней Вислы.

Итак, мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. Продолжительная борьба с Византией завязала этот союз, сомкнула восточное славянство в нечто целое. На Руси во времена Игоря еще хорошо помнили об этой первой попытке восточных славян сплотиться, соединить свои силы для общего дела, так что арабский географ того времени успел записать довольно полное известие об этом. Сто лет спустя, во времена Ярослава I, русский повествователь отметил только поэтический обрывок этого исторического воспоминания. Этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории: она, повторю, началась в VI в. на самом краю, в юго-западном углу нашей равнины, на северо-восточных склонах и предгорьях Карпат.

Отсюда, с этих склонов, восточные славяне в VII в. постепенно расселялись по равнине. Это расселение можно признать вторым начальным фактом нашей истории. И этот факт оставил некоторые следы в нашей «Повести», также значительно проясняющиеся при сопоставлении их с иноземными известиями. Византийские писатели VI и начала VII в. застают задунайских славян в состоянии необычайного движения. Император Маврикий (582—602), долго боровшийся с этими славянами, пишет, что они живут точно разбойники, всегда готовые подняться с места, поселками, разбросанными по лесам и по берегам многочисленных рек их страны. Прокопий, писавший несколько ранее,

замечает, что славяне живут в плохих хижинах, разбросанных поодиночке, на далеком одна от другой расстоянии, и постоянно переселяются. Причина этой подвижности открывается из ее следствий.

Византийцы говорят о вторжениях задунайских славян в пределы империи во второй четверти VII в.; приблизительно с этого времени одновременно прекращаются и эти вторжения, и византийские известия о задунайских славянах: последние исчезают куда-то и снова появляются в византийских сказаниях уже в IX в., когда они опять начинают нападать на Византию с другой

стороны, морским путем, и под новым именем Руси. О судьбе восточных славян в этот длинный промежуток VII—IX вв. находим у византийцев мало надежных известий. Прекращение славянских набегов на империю было следствием отлива славян с Карпат, начавшегося или усилившегося со второй четверти VII в. Этот отлив совпадает по времени с аварским нашествием на восточных славян, в котором можно видеть его причину.

М. О. Ключевский.

«Курс русской истории», лекция 7

Таким образом, в этих городах образовался из туземцев и пришельцев военно-промышленный класс, представляющий достаточную вооруженную силу.

Воспользовавшись этим, города не только перестали платить дань, сделались независимыми от хазар сами, но и подчинили себе вполне свои торговые округа, которые вмещали в себе одно или несколько восточно-славянских племен.

В некоторых из указанных городов варяги, скапливаясь в очень значительном количестве, с роли торговых товарищей туземцев и наемных охранителей торговых путей переходили в роль властителей; вожди же варягов при этом становились военными начальниками занятых ими городов. Такие вожди стали называться *князьями* и *вятиязми*.

Таким образом, некоторые из вооруженных городов со своими областями попадали в руки заморских пришельцев и превращались во владения варяжских князей.

Таких варяжских княжеств в области, занимаемой восточными славянами в IX веке, было уже несколько: княжество Рюрика в Новгороде, Синеуса — на Белом озере, Гривора — в Изборске, Аскольда — в Киеве.

Из всех городов восточных славян, благодаря своему географическому положению, наибольшее значение имел Киев.

Кто владел Киевом, тот держал в своих руках ключ от главных ворот русской торговли и ключ обороны всей страны от внешних покушений. Отсюда, с одной стороны, стремление всех варяжских князей, появлявшихся на севере, владеть Киевом, а с другой стороны, стремление самого Киева не оставаться лишь в роли главного города одного из местных варяжских княжеств:

будучи важным в экономическом и военном отношении для всех восточных славян (русских), Киев неминуемо должен был стать и центром политического объединения этих народов.

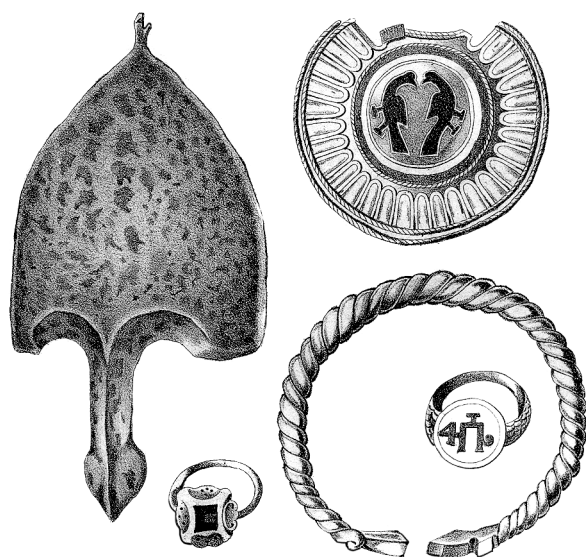
Уже первые киевские князья это понимали и потому наряду с их деятельностью по охране внешней безопасности своего княжества они стремились к подчинению соседних племен, к расширению своих владений.

Овладевая понемногу соседними землями, киевские князья в подчинявшихся им городских областях по городам сажали своих наместников, *посадников*, которыми были или их сыновья и родственники, или особо выбранные лица.

Наместники эти, по существу, были такие же князья, как и князь Киевский, но последний считался старшим между ними и назывался великим князем русским, и все подвластные ему племена и земли — Великим Киевским княжеством, или Русским государством, которое около середины XI века было довольно обширно и населено весьма пестрым населением.

Владея Киевом, подчиняя себе племена восточных славян, ставя их в экономическую зависимость от себя, сближая вообще их интересы со своими, великие князья Киевские этим самым брали на себя обязательство всецело заботиться об охране торговых путей к заморским рынкам, об обороне пределов подвластных им земель от внешних нападений и, наконец, о приобретении новых заморских рынков, что в результате привело к желанию покорением Византии овладеть выходом из Черного моря в Средиземное.

Стремление варяжских князей завладеть Киевом вызывало вооруженные нападения на него. Стремление варяжских князей, овладевших Киевом, удержать его за собой, а впоследствии,

Варяжский шлем и украшения,
найденные при раскопках в Киеве.

Литография из книги М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига». 1871 г.

пользуясь его положением, сделать центром обширного государства под своей властью, вызывало столкновение с соседними племенами. Стремление киевских князей, сначала местных, а потом и великих, обеспечить Киевское княжество от нападений различных степных кочевников вызывало борьбу с этими кочевниками. Наконец, стремление киевских князей сначала прочно установить торговые сношения с Византией, а затем и покорить ее, вызывало походы на Царьград.

Для проведения в жизнь всех этих стремлений киевских князей, очевидно, требовалось иметь хоть как-нибудь организованную вооруженную силу и умение пользоваться этой силой для достижения намеченных целей.

СОСТАВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Несомненно, что уже у варяжских князей, пришедших с севера в Русскую равнину в середине IX века, была такая военная сила, которой служили приводимые князьями с севера отряды вооруженных людей. Отряды эти назывались *дружинами* и естественно в первое время

набирались исключительно из народа, которому принадлежали сами князья, то есть из варягов. С течением времени в состав дружины мало-помалу стали входить славяне, и к концу X и особенно к середине XI века дружины были преимущественно славянские.

Дружина делилась на высшую и низшую. Высшая состояла из княжих мужей, или *бояр*, низшая — из детей их и отроков и сначала носила название *грид* или *гридьба*, а впоследствии — *двор* или *слуги*.

Взаимоотношения дружины и князей складывались следующим образом: служа князю орудием управления и защиты земли, старшая дружина, бояре, составляла думу князя, его, так сказать, государственный совет. Обязанные князю определенной службой, за что получали от князя полное содержание, все члены дружины во всем остальном пользовались полной свободой.

Дружина представляла собой военный класс, который занимался исключительно войной и торговлей, но не был совершенно, по крайней мере до конца XI века, землевладельческим классом. Все предприятия, не требовавшие особого напряжения сил, исполнялись при помощи дружины, которая всегда находилась в готовности и в распоряжении князя.

Но наряду с дружиной в древней Руси существовало еще земское городское войско, *вой*, которое являлось как результат военного устройства торговых городов. В состав этого войска входили все горожане, способные носить оружие, за исключением самого младшего из взрослых сыновей в каждой семье. Сельские жители привлекались в состав войска весьма редко и всегда в крайне ограниченном числе.

Земско-городское войско (вой) созывалось в случае трудных предприятий, крупных операций, для выполнения которых княжеская дружина была недостаточна. Вопрос о созыве земско-городского войска и о количестве его решался вечами, причем при несогласии последнего в войне участвовали только охотники из народа по вызову князя.

По окончании предприятия, ради которого созывались вой, они распускались по домам.

При совместных действиях дружины и земско-городского войска то и другое называлось общим именем «вой».

Кроме дружины и воев, которые, по существу, составляли национальное русское войско, в состав вооруженных сил киевских князей входили также наемники из кочевых восточных племен: венгров, печенегов, позже — половцев и т. д.

В рассматриваемый период главным родом войск у русских была пехота; лишь отдельные лица, как то сами князья, бояре, знатные и богатые люди, сражались верхом. Это объясняется главным образом влиянием варягов, необходимостью в передвижениях в значительной степени водными путями, а отчасти дороговизной и трудностью содержания в то время конного войска. До Святослава, то есть до середины X века, в составе русских войск если и встречается конница, то почти исключительно наемная и притом невысокого качества.

Лишь с конца X века, уже при Владимире Святославиче, вследствие беспрестанных столкновений русских с их степными соседями — народами тюркского племени и венграми, сражавшимися на конях, — число конницы стало увеличиваться.

ВООРУЖЕНИЕ ВОЙСК

Вооружение уже первых русских войск резко делилось на два рода: для рукопашного боя, как то копья, мечи, секиры, топоры, ножи и для метательного боя — луки со стрелами.

В соответствии с этим и пехота разделялась на лучников, или стрелков, и копейщиков.

Кроме того, имелось оборонительное вооружение, состоявшее из кольчужной брони, остроконечных шлемов с кольчужными сетками, опускавшимися на лицо и плечи, и больших, часто во весь рост, деревянных щитов.

В общем, в этот период вооружение русских войск было довольно простое, малосложное и необременительное: меч, копье, лук со стрелами и щит составляли главные виды вооружения, однако отдельные предметы его были чрезвычайно разнообразны в зависимости от достатка каждого воина: простые, более бедные воины имели и оружие более бедное, простое и худшего качества; знатные и богатые люди были вооружены богаче, сложнее и лучше.

Тяжелое оружие и вооружение обыкновенно хранилось в княжеских складах и перед выступлением в поход выдавалось воинам. Иногда

Болеслав I Храбрый.
Литография. 1851 г.

Болеслав I Храбрый (965/967—1025) — князь (992—1025) и первый король Польши (1025), князь Чехии в 1003—1004 гг. (под именем Болеслав IV). В 1017 г. против него начал боевые действия Ярослав Мудрый, однако в итоге летом 1018 г. киевское войско было разбито соединенной армией поляков, немецких рыцарей, венгров и печенегов. В августе 1018 г. Болеслав вступил в Киев. Вскоре он повернул назад. Почему Болеслав так поступил, достоверно неизвестно. Некоторые летописи, в частности «Повесть временных лет», утверждают, что Болеслав был изгнан восставшими киевлянами, другие же, что он утвердил в качестве князя некоего породнившегося с ним киевлянина, а сам с богатой добычей запланированно вернулся в Польшу.

это оружие доставлялось средствами князя прямо на сборное место, а иногда для облегчения его везли за войсками до встречи с неприятелем на подводах или сплавляли по рекам на судах. По окончании похода оружие снова отбиралось и складывалось в особые склады.

В первое время появления у русских конницы князя, как оружие, раздавали так же и лошадей из собственных табунов.

УСТРОЙСТВО ВОЙСКА

Относительно административного устройства русского войска с достоверностью можно только сказать, что соединение воинов одной области или одного города обыкновенно называлось *дружиной*, а соединение нескольких дружин — *ратью*, иногда — *полками*. Дружины, рати и полки носили название своих областей или городов. Командный состав в общем был немногосложен и необширен, но тесно соединен с иерархией дворцовой и гражданской, а потому и отличался неопределенностью. Во главе всех вооруженных сил стоял великий князь, под ним местные князья, воеводы, тысяцкие головы, сотники и десятники.

Простые воины назывались *ратниками*.

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЙСК

Количество войск у первых русских князей определить очень трудно; дружины, по видимому, были немногочисленны, а о воях

в летописях говорится только *вой многи*. Очевидно, что в различных случаях у великого князя собиралось воев разное количество в зависимости от цели похода и от свойств противника. Во всяком случае с полной уверенностью можно сказать, что рати наших первых князей не превосходили 50—60 тысяч, а обыкновенно бывали гораздо меньше. Так, у Аскольда при его походе в Византию было всего 8000 человек, у Олега и Игоря — значительно больше, у Святослава — своих только 10 тысяч, но зато наемных венгров, печенегов и других — от 40 до 50 тысяч, у Ярослава — уже в IX веке против Болеслава Храброго — от 50 до 60 тысяч.

СТРОЙ И ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК

Строй и образ действий войск в различных видах полевой службы и в бою были следующие.

Войска, предназначенные в поход, собирались к заранее назначенному сборному пункту. Отсюда шли в поход, по-видимому, все вместе, так сказать, одной колонной. Для охранения движения вперед высылались особые отряды, которые назывались *сторожами*, или *передовой*

Князь Святослав произносит речь перед своим войском накануне битвы под Адрианополем в 971 году.

Гравюра из многотомного труда А. Д. Нечволодова «Сказания о русской земле». 1913 г.

стражей. На обязанности этих сторожей, кроме охранения главных сил рати, лежало еще разведывание о дорогах, о неприятеле и добывание языков. За колонной главных сил следовали обозы с продовольствием и с другим имуществом. Обозы эти вообще были довольно многочисленными; только у Святослава обозов почти совсем не было.

На ночлег войска располагались станом, окружив себя повозками или тыном, и нередко окапывались. Для обеспечения стана (бивака) вблизи от неприятеля выставлялись стражи, дозоры и принимались другие предосторожности.

В бою войска сражались пешком и притом преимущественно в глубоких колоннах, действуя холодным оружием; лишь весьма незначительная часть сражалась в рассыпном строю, действуя метательным оружием.

Боевой порядок русской рати состоял из трех частей: центра, где ставился большой полк, или *чело*, и двух крыльев. Большой полк составлялся из наемников или собственно воевод, крылья же — из дружины. Таким образом, лучшие войска располагались на флангах. Они-то и предназначались для решительного удара.

Перед началом боя до Святослава иногда происходило единоборство храбрейших и сильнейших воинов. При Святославе этот обычай был уже оставлен. Общий бой начинался по приказу князя: первый удар производился копьями, а затем рубили мечами, причем нередко бой был крайне ожесточенным и кровопролитным. При таких условиях победу решали преимущественно численное превосходство, физическая сила, ловкость владения оружием и особенно — мужество и храбрость. Но иногда в бою прибегали к охватам, окружению противника, заманиванию притворным отступлением, вообще говоря, к маневрированию, а также к засадам. Для того и другого обыкновенно пользовались крыльями боевого порядка.

Выиграв бой, победители по большей части несколько дней оставались на поле сражения «на костях» для торжественного празднования. В редких случаях победители преследовали разбитого неприятеля всеми силами до последней крайности.

Необходимость оборонять пределы Руси от различных степных кочевников заставляла князей строить по границе укрепленные пункты. Уже

Олег строил их вокруг Киева. С течением времени, вследствие усилившегося напора варваров, деятельность по укреплению границ все более и более развивалась. Эти укрепленные пункты населялись боевыми людьми или, как говорит летопись, «службами лучшими», набиравшимися из разных, как славянских, так и финских, племен.

Эти укрепленные пункты, городки или крепостцы, состояли из деревянных стен из толстого леса со рвами и валами впереди. С течением времени укрепленные места соединялись земляными валами и лесными засеками, образуя вдоль границ укрепленные линии.

Брали города русские войска преимущественно приступом, или внезапным нападением, а иногда хитростью. Если же город был слишком сильно укреплен и хорошо обороняем, то его облагали и голодом принуждали к сдаче. С осадным искусством русские в то время не были знакомы.

ПРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В РУССКИХ ВОЙСКАХ

Что касается нравственного элемента русских войск в первые века существования России, то в этом отношении их можно разделить на две части: дружина в высшей степени обладала воинскими доблестями, как то мужеством и храбростью, твердостью и терпением в перенесении трудов, лишений и опасности, суровостью в образе жизни, верностью и преданностью своим князьям и начальникам. Земское войско (вои) и наемные войска всеми перечисленными качествами обладали в значительно меньшей степени.

Подчиняясь духу времени и общему в то время обычаю, русские войска рассматриваемой эпохи вели войну с жестокостью, грабя жителей и опустошая край.

ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

Что касается умения первых киевских князей из варягов пользоваться бывшей у них в распоряжении вооруженной силой, то оно стояло на довольно высокой степени развития.

Из походов первых киевских князей особенно интересно остановиться на походах Святослава.

В течение первых десяти лет своего княжения Святослав ведет победоносные войны с народами, живущими по Дону, Волге, Кубани и при

Воин из ближайшего окружения князя Святослава Игоревича.

Реконструкция по описанию арабского путешественника и писателя первой половины X века Ибн Фадлана. Из материалов для книги М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига». 1871 г.

Каспийском море. После этого в 967 году он, по просьбе греческого императора Никифора, угрожаемого с севера болгарами и с юга — арабами, спустившись по Днепру и поднявшись по Дунаю, идет к нему на помощь, разбивает болгарское войско, овладевает главными пунктами (Доростол — нынешняя Силистрия и Переяславль) и покоряет всю страну.

Утвердившись в долине Дуная и правильно оценив значение Болгарии как по ее географиче-

ческому положению (близость к Византии), так и по богатству ее средств, необходимых для борьбы с Греческой империей, Святослав решает перенести свою столицу на берега Дуная, основав здесь базу (основание действий) для операций против Царьграда.

Исполнив это, Святослав предпринимает набеги с завоевательной целью к югу от Балкан, и в 970 году овладевает Филиппополем и подступает к Адрианополю.

Однако на этом останавливаются успехи Святослава. Тридцатитысячная его рать, преимущественно пешая и составленная главным образом из наемных болгар, венгров и печенегов, то есть слабая числом и качеством, была внезапно атакована греками, сознавшими опасность, представляемую Святославом для Византии, и после поражения вынуждена была отступить на Балканы. Только наличие заранее подготовленной базы на Дунае позволяет Святославу сохранить еще настолько грозное положение, что греки, несмотря на свой успех, признали необходимым вступить в переговоры о мире.

Мир был заключен, военные действия прекратились, и в 972 году рать Святослава занимает несколько пунктов в Болгарии, оставляя незанятыми проходы через Балканы.

Однако положение даже разбитого Святослава было настолько опасно для Византии, что император Иоанн Цимисхий, пользуясь неготовностью русских и незанятием ими Балканских проходов, вторгается в Болгарию с целью раз навсегда покончить с ними.

Святослав, застигнутый врасплох, спешно сосредоточивает свои отряды к Доростолу, в 17 верстах к югу от которого 23 апреля дает бой. Бой этот окончился для него неудачей: подавленный численно превосходным врагом, обладающим массой хорошей греческой конницы, Святослав вынужден был отступить и запереться в городе.

Греки обложили Доростол со всех сторон и приступили к осаде.

Святослав вел оборону города в высшей степени активно: обеспечив город от нечаянного нападения глубоким рвом, он постоянно производил частные вылазки, которые, с одной стороны, препятствовали осадным работам противника, а с другой стороны, снабжая защитников продовольствием, позволяли им упорно держаться в осажденном городе.

Тем не менее, несмотря на стойкость и энергию обороны, она становилась с каждым днем все более и более тяжелой: добывание продовольствия посредством вылазок с течением времени становилось затруднительным, а сообщение с Русью было прервано греческим флотом, убыль в населении и в войске от голода и болезней все увеличивалась, осадные машины греков производили все большее и большее разрушение.

При таких обстоятельствах Святослав решается на отчаянный бой.

Прежде чем выйти из города, он обращается к своим воинам со следующими словами воодушевления:

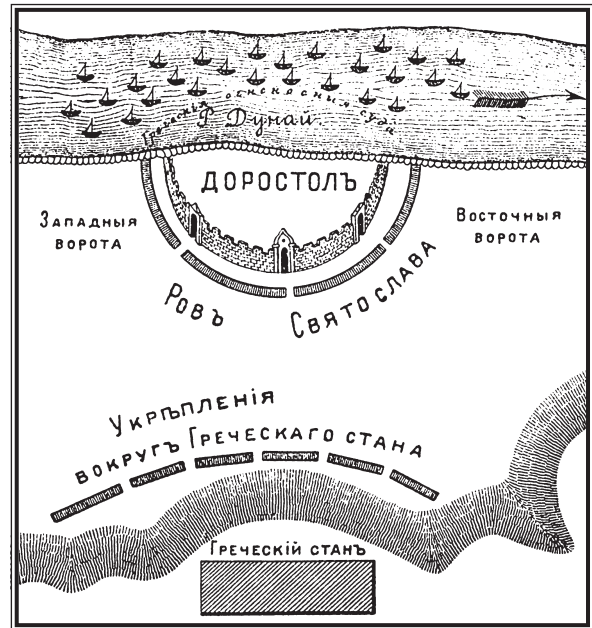
«Выбирать нам не из чего: волей-неволей мы должны драться. Не посраим же земли русской и ляжем костями — мертвые срама не имеют. Если же побегим, то будет нам стыдно. Ни будем же бежать, но станем крепко; я поведу вас. Если же я погибну, то вы сами о себе заботьтесь».

На эти слова Святослава воины его отвечали: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим».

После этого 24 июля Святослав вывел свою рать из города и приказал запереть все ворота, отняв таким образом у малодушных возможность к отступлению.

Пользуясь пересеченной местностью, которая была удобна для действий его многочисленной пехоты и стесняла действие греческой конницы, Святослав сначала наносит грекам весьма удачный удар, но затем греки, оттянув Святослава от крепости, выслали для действий ему во фланг и тыл значительный отряд. Закипел ожесточенный бой, в котором погибло много русских и сам Святослав был ранен. Результатом этого боя было отступление Святослава в Доростол и необходимость для него просить мира. По условиям заключенного мира русская рать оставила Болгарию, отказавшись от завоеваний, и, снабженная продовольствием от греков, отошла на ладьях к Днепру.

Таким образом, поход Святослава окончился неудачно. Однако это не отнимает у него поучительности и не может умалить военного искусства Святослава. В этом походе Святослава, как и в походах его предшественников, прежде всего обращает на себя внимание важность цели, обусловливаемой существенными интересами народа, — завоевание Византии как обладательницы выхода из Черного в Средиземное море. Далее,

План сражения под Доростолом в 971 году.

Граюра из многотомного труда А. Д. Нечволодова «Сказания о русской земле». 1913 г.

имея конечной целью овладение Византией, Святослав удачно пользуется обстоятельствами (приглашение императора Никифора), а устройством промежуточных баз на Дунае и за Балканами искусно prepares себе благоприятную обстановку для дальнейших действий.

Все операции Святослав ведет крайне энергично и, даже вынужденный обстоятельствами к обороне, ведет ее чрезвычайно активно. В критическую же минуту, отвергая все малодушные предложения, Святослав прибегает к решительному средству, бою, который ведет с крайним напряжением. Перед боем Святослав не упускает из вида нравственную подготовку, умело затрагивая сердечные струны своих воинов.

Вместе с тем необходимо отметить и отрицательные стороны в боевой деятельности Святослава: во-первых, он недостаточно оценил безопасность своего операционного пути, вследствие чего недостаточно обеспечил его, отчего противник имел возможность в критическую минуту прервать его.

Во-вторых, Святослав не оценил несоответствия поставленной себе задачи с имеющимися у него средствами. Это и повлекло за собой не-

После заключения мира с византийцами князь Святослав решил вернуться в Киев. Однако на пути его встали печенеги. В 971 г. его войску не удалось преодолеть днепровские пороги. Весной следующего года он предпринял новую попытку пройти пороги, но был атакован печенежским войском. В одном из боев киевский князь погиб. Об этом, в частности, писал византийский историк и хронист, современник Святослава, Лев Диакон: «Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пачинаки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собой жилища и большую часть жизни проводит в повозках. Они перебили почти всех росов, убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места».

обходимость пополнить свою рать столь ненадежным элементом, как болгары, венгры и печенеги, которые, собственно говоря, представляли собой дикие полчища, способные скорее к разбойничьей войне. Очевидно, для Руси того времени борьба с греками была еще не под силу. Русь еще не была готова к этому. Святослав не сумел это оценить.

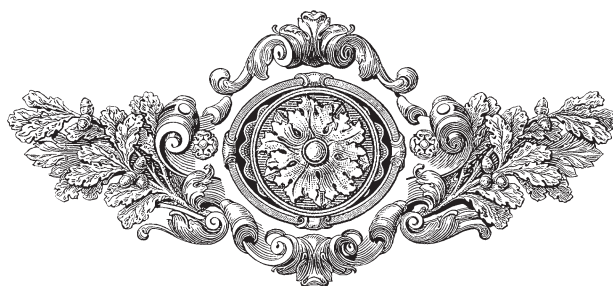
В-третьих, Святослав крайне неосмотрительно, после первой неудачи, оставляет незаняты-

ми проходы через Балканы и дает себя захватить врасплох.

В заключение нельзя не отметить следующее: наряду с тем, что уже в самых ранних проявлениях военной деятельности наших первых князей сказываются особенности искусства, в действиях первых русских ратей высказываются полностью национальные черты — энергия, упорство, активность (даже в обороне), преданность к князю, любовь к родине, ревнивое отношение к ее чести и к своему достоинству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБ ЭПОХЕ

В общем, относительно военного искусства русских в первый период существования их государства можно сказать, что оно в своей основе имело здравые начала, вытекающие из природы войны и различных боевых элементов, что оно было до крайности просто как в своей идейной, так и в формальной частях и, наконец, что оно, находясь по известным причинам под влиянием военного искусства варягов, в то же время отличалось яркими национальными особенностями, которые с течением времени, по мере развития военного искусства в России, выдвигались на первый план все более и более, направляя весь ход развития военного искусства иначе, чем это было на Западе.

II. С СЕРЕДИНЫ XI ВЕКА ДО СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РОССИИ

В середине XI века окончательно сформировалось Великое княжество Киевское и в соответствии с этим русские великие князья к этому времени вполне сознали круг своих обязанностей и определили ясно свои стремления как лиц, стоявших во главе вполне уже определившегося политического организма.

Следствием изложенного и явилась на Руси организованная указанным выше образом вооруженная сила.

С середины XI века в жизни Руси стал играть роль новый фактор, который до некоторой степени влиял на политическое устройство русского государства, что тотчас же отразилось и на организации и вооруженной силы Великого княжества Киевского. Фактор, игравший такую роль, — это порядок княжеского владения русской землей, установившийся после Ярослава Мудрого.

Порядок этот, названный профессором Ключевским *очередным*, заключался в том, что с каждой переменой в наличном составе княжеской семьи шло передвижение по известной очереди оставшихся князей из одной волости в другую, с младшего стола на старший.

Старшим столом считался киевский, который поэтому и должен был занимать старший член во всем княжеском роде с титулом великого князя. Являясь старшим, он распределял владения между младшими родичами, разбирал их споры и судил их, заботился об их осиротелых семьях и был, таким образом, руководителем и высшим попечителем всей русской земли.

Такое положение великого князя Киевского, в связи с тем, что согласно очередному порядку каждый член княжеского рода при известных условиях мог достигать старшинства и получить старший стол, киевский, приводило к тому, что вся русская земля во всей ее совокупности считалась принадлежащей всему княжескому роду.

С другой стороны, очередной порядок владения, захватывая все части русской земли, устанавливал у них общность интересов, чувств, забот и стремлений; следствием же этого являлось то, что русская земля не делилась на части, обособленные друг от друга, а представляла собой нечто целое, единое, если и не с точки зрения государственности, чему мешали многие обстоятельства, то, по крайней мере, с точки зрения народности.

Очерченный очередной порядок княжеского владения с указанными выше следствиями оказывал сильное влияние на устройство вооруженной силы на Руси. Заставляя князей постоянно передвигаться с места на место, он делал столь же подвижной и княжескую дружину, которая при передвижении князя или следовала за ним, покидая прежнюю волость, или покидала князя, оставаясь в прежней волости. Единство княжеского рода позволяло дружиннику переходить от князя к князю, а единство земли — из области в область, делая такой переход вполне нормальным и естественным и не делая переходящего ни в том, ни в другом случае изменником.

Вместе с тем, благодаря этой подвижности, старшие дружинники, бояре, занимавшие высшие правительственные должности, не могли занимать их долгое время в одних и тех же волостях и через это приобретать прочное местное, политическое значение в известной области.

Кроме того, благодаря этой подвижности, у дружинников туго развивалось землевладение, вследствие чего они для получения доходов должны были принимать участие в торговых оборотах и получать от своих князей денежное жалованье.

Таким образом, очередной порядок владения князей не изменил старые взаимоотношения между определенным князем и его дружинниками, но в то же время установил право дружинников менять князей.

При первых поколениях Ярославичей применение очередного порядка не вызывало никаких недоразумений, но с течением времени, когда круг княжеских родичей расширился, а отношения родства усложнились и запутывались, применение оснований очередного порядка вызывали споры между князьями.

Главным источником этих споров был вопрос о способе определения относительного старшинства князей, на котором основывалась очередь владения.

Неумение выработать способ точно определять старшинство вызвало к действию условия, которые мешали мирному применению очередного порядка владения. К главнейшим из таких условий относятся: во-первых, стремление приобрести старшинство силой вопреки естественным основаниям и, во-вторых, старание членов княжеского рода разместиться по волостям

не по генеалогическому старшинству, а в тех, где сидели их отцы и которыми они, таким образом, владели не по очереди старшинства, а по наследству.

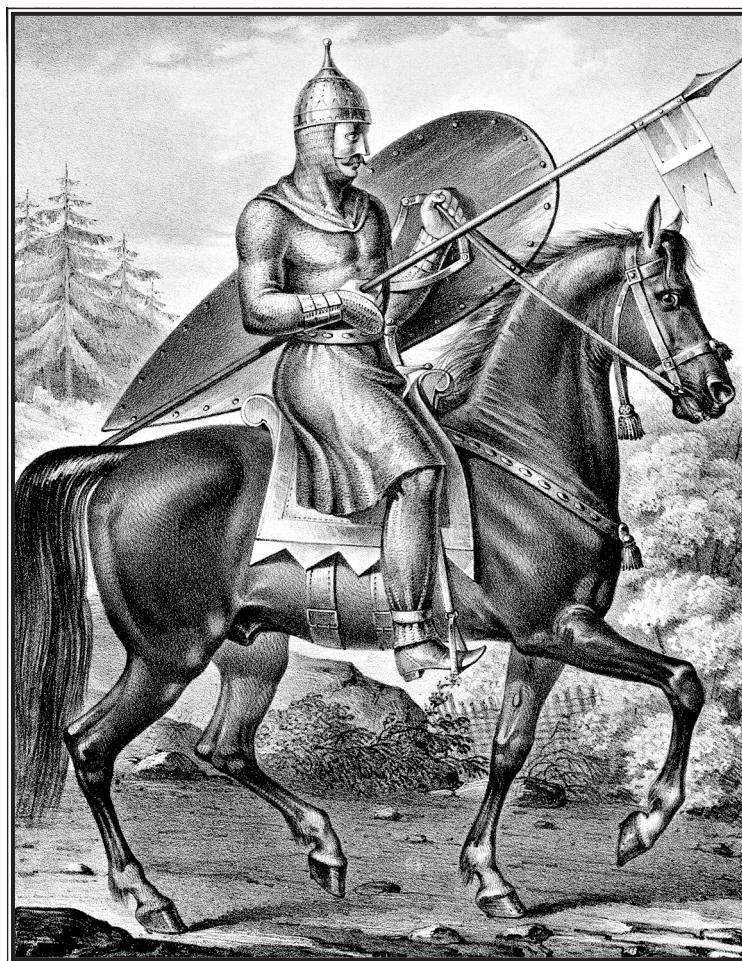
Оба же эти условия, в свою очередь, приводили, во-первых, к тому, что, по мере размножения князей, отдельные линии княжеского рода все далее расходились друг с другом, отчуждались одна от другой; во-вторых, к тому, что одновременно с распадением княжеского рода на местные линии и русская земля распалась на обособленные друг от друга области. Естественным же следствием всего этого явилось ослабление родственных чувств между членами княжеского рода, что во многом способствовало возникновению и развитию между князьями усобиц.

Эти междоусобицы князей с течением времени все более и более разрастающиеся, требовали, чтобы каждый князь обладал достаточной вооруженной силой, вполне ему преданной. Это же неминуемо влекло за собой прежде всего раздробление русской вооруженной силы. Затем необходимость каждому князю иметь свое сильное войско заставила их принять меры к тому, чтобы ограничить переход дружинников от одного князя к другому, чему так способствовали основания очередного порядка. Для этого необходимо было изыскать средства сделать такой переход невыгодным, так или иначе прикрепить дружинников к себе.

Таким средством являлась земля, и князья для достижения указанных целей раздают дружинникам землю в поместья, взамен чего берут с них обязательства не переходить на службу к другим князьям. Таким образом получает начало сильно развившаяся с течением времени поместная система, положившая надолго особый отпечаток на устройство наших вооруженных сил.

Но прикрепление дружинников к земле имело и неблагоприятные следствия: дружинники, сев на землю, проникались хозяйственными интересами, неохотно отрывались от земли, постепенно теряли характер специально военного сословия и мало-помалу теряли свои боевые качества. Впрочем, этот процесс идет очень и очень медленно.

Другим неблагоприятным следствием очередного порядка являлся упадок авторитета князя. Частые перемены князя и сопровождавшие эти перемены споры приводили к тому, что област-

Русский конный воин X—XI столетия.

*Из собрания гравюр под редакцией А. В. Висковатова
«Историческое описание одежды и вооружения
российских войск». 1841—1862 гг.*

ное население вскоре перестало видеть в князе усидчивую местную силу, около которой можно было бы сосредоточиться. Вполне естественно, что, не имея такой силы в лице князя, для обеспечения своих интересов население стало искать эту силу и нашло ее в главных городах, которые уже издавна играли роль центров сосредоточия. Это еще более подняло значение городов и вместе с ними, в противовес прежней правительственной власти, и городского населения, которое образовывало вече.

И князья должны были считаться с этой силой, уже вполне окрепнувшей в конце XI века, входить с ней в сделки и заключать с ней поли-

тические договоры, *ряды*. Эти договоры влекли за собой ограничение власти местных князей веками волостных городов.

СОСТАВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Следствием такого положения вещей было то, что князья уже не могли безошибочно рассчитывать на получение с городов необходимого количества воев, ратников, и таким образом, хотя земское войско и продолжает существовать на прежних началах, но князья не могут включить их в каждую данную минуту в желаемом ко-

личестве в свою рать. Между тем необходимость обеспечивать внешнюю безопасность своих волостей от кочевых народов юга и востока, а с другой стороны, постоянная междоусобная борьба требовали именно теперь иметь значительные вооруженные силы. При таких обстоятельствах князьям оставалось только одно: обращаться к наемникам, которых с этого времени в ратях князей встречается все больше и больше.

Наемники избирались главным образом из печенегов, половцев, торков, берендеев и других кочевников тюркских и племен, кочевавших в низовьях Днепра и Дона. Впрочем, часть наемников была из венгров и поляков.

Большое число наемников не могло, конечно, не отразиться на составе вооруженной силы того времени, на ее вооружении и способе действий.

В составе войск начинает понемногу возрастать численность и значение конницы, и к середине XIII века конница составляла уже значительную часть наших войск.

ВООРУЖЕНИЕ

На вооружении влияние наемников сказалось в том, что в числе оружия у русских войск появляются кривые сабли и кинжалы, которые вскоре становятся непременным оружием каждого конного воина; прежние же большие и прямые мечи остались преимущественно оружием пехоты: что же касается копья и лука, то ими были вооружены как пехота, так и конница, но не вся, а частью.

Русский шлем XIII века с защитной маской-личиной.

Из собрания гравюр под редакцией А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». 1841—1862 гг.